

1611. Князь Трубецкой и Первое земское ополчение

Убийство последнего русского претендента на престол

Эта страница драмы истории Московского государства открывается 11 декабря 1610 г. в калужских полях. Там в этот день на охоте был убит своими татарскими телохранителями Лжедмитрий II, личность которого так и не удалось расшифровать никому. Убит он был за самовольное предание смерти касимовского татарского хана.

«Через несколько дней калужане похоронили своего царька с приличными обрядами "в Калужской дворцовой церкви" (Троицком соборе...). Марина скоро передалась Заруцкому. В Калуге же главным человеком сделался кн. Дмитрий Трубецкой» (из «Истории Калуги»).

С гибелью этого, еще одного *самоназванного царевича Дмитрия Ивановича* прервалась на длительное время цепочка русских претендентов на царский трон.

В Кремле сидела «семибоярщина» во главе с Федором Мстиславским, напрасно ожидая крещения в православие позванного на трон юного польского *королевича Владислава*, приезда его в Москву и коронования. Трон в Москве стал опасным, и Сигизмунд (по литовски – *Жигимонт*, так его называют и русские летописи и грамоты), отец королевича, не хотел отпускать своего юного сына в смутную Москву, считая к тому же, что более полезным было бы воцарение его самого и объединение в федерацию Руси с Польшей и Литвой. Северное залесье с Новгородом ждали *шведского королевича*.

Да, московский трон стал *убийственно* опасным – в 1605 убит был «обществом» наследник Бориса Годунова, 16-летний царь (49 дней царствования), Федор Борисович с матерью-царицей. Затем был коронован молодой Лжедмитрий I и через год был убит Шуйскими, из них же Василий Шуйский был выбран на царствование «народом», коронован, но был свержен заговорщиками в 1610, сдан в плен полякам и там погиб. Несколько ранее противостоящий Шуйскому в Тушине «царь Дмитрий Иоаннович», опасаясь своего пленения тушинскими многочисленными поляками, бежал из лагеря в Калугу, сделал ее столицей, и вот теперь тоже убит...

Князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой появляется на политической арене после первого боя тушинцев 25 июня 1608 г. с москвичами на Ходынском поле. Он увидел в тушинцах достаточную силу для перемен и первым из аристократии перешел на помощь *Дмитрию Иоанновичу* и вскоре был пожалован чином боярина (боярами были и его отец и дед, и многие другие Трубецкие, имевшие законное право в числе 8 знатных родов быть призванными в высокий чин боярина, минуя промежуточные ступени). Он возглавил Стрелецкий приказ [4], пытаясь навести порядок в буйной смеси вооруженных сторонников: поляков Рожинского (тот претендовал на главнокомандующего всеми войсками) и стрелецких полков, дворянской конницы. Он тесно взаимодействовал с Казачьим Приказом боярина-атамана Ивана Заруцкого, в

ведении которого были запорожцы, донские казаки и казаки степного пограничья Центральной Руси.

Вслед за Дмитрием Тимофеевичем в лагерь пришли представители многих родовитых семейств. Образовалось авторитетное Тушинское правительство, которое поддерживали десятки городов Руси, присягнувшие *воскресшему Дмитрию Ивановичу*...

Потом, правда, тушинская элита разделилась (после ухода из лагеря в конце 1609 года вместе с Лжедмитрием казаков) на «мирных» свержителей Шуйского - сторонников званого на трон польского королевича Владислава, и *калужских*, верных *русскому* претенденту на трон.

Герб князей Трубецких

В числе *калужских* – князь Дмитрий Трубецкой, «тушинский боярин», авторитетный среди северских полков, среди казаков и пришедших из Тушина сюда литовцев - восточных православных литовцев-тушинцев во главе с гетманом Яном (Иваном) Сапегой...

Здесь в Калуге новые жители были приняты хорошо, т.к. они давали надежную защиту от польских отрядов-банд, грабящих города. Но време-

нами было неспокойно. Между калужанами и своевольными казаками то и дело происходили стычки.

Вероятно, в одной из этих вспышек 22 апреля 1610 года погиб младший брат Трубецкого Александр-Меркурий Тимофеевич, следовавший всюду за братом. Отец их, известный боярин и воевода Тимофей Романович умер еще в 1603 и остался наш герой без близкой родни. Известна жена Дмитрия Тимофеевича Мария Борисовна (как считал исследователь рода Трутовский, возможно, из рода Татевых), но детей у них не было. Больше года прожил князь в Калуге и, вероятно, при нем была и супруга его, принимавшая участие в пышности двора калужского «царя Дмитрия и царицы Марины».

Но декабрь 1610 переломил судьбу Трубецкого. После убийства *царика* силы оказались раздробленными, идея *русского* царя на Руси казалась надломленной. Всеми завладела идея воцарения польского королевича Владислава.

Своему двоюродному брату князю Юрию Никитичу Трубецкому¹, яркому представителю пропольской партии, присланному из Москвы уговаривать

¹ Юрий Никитич Трубецкого – сын князя Никиты Романовича, брата Тимофея Романовича – отца Дмитрия Тимофеевича Трубецкого. Он был женат на дочери Михаила Салтыкова, яркого «изменника», главы пропольской ориентации, оставшегося вместе с зятем

его целовать крест королевичу Владиславу, он ответил разочарованно так: «Если действительно королевич будет на московском престоле и крестится в православную веру, то буду рад ему служить. Но пока этого не случится, крест Владиславу не поцелую». [4]

Но гетман Жолкевский в своих записках утверждал даже, что *«по убиении его (самозванца), бояре, между коими были князь Димитрий Трубецкой и князь Григорий Шаховской, запершись в Калуге и снесясь с боярами столчными, учинили также присягу на имя королевича Владислава»*. [3]

К этому времени множество городов по настоянию Семибоярщины уже присягнули на кресте будущему царю Владиславу и ждали его приезда, отказав Сигизмунда от взятия Смоленска и отзыв всех его отрядов из Руси.

Присяга давала слабую надежду, что поляки начнут выполнять главные условия Договора: перестанут грабить подданных сына своего короля и снимут осаду Смоленска, отзовут свой гарнизон из Кремля и все грабительские *продотряды* с Руси.

«История Калуги» сообщает, что «чрез две недели после смерти Лжедмитрия, под Калугой уже стоял Сапега и требовал сдачи. Калужане сделали вылазку, после которой Сапега узнал, что Калуга будет целовать крест Владиславу, почему 31 декабря отступил от Калуги. Действительно, калужане дали знать в Москву, боярской думе, что перешли на ее сторону. Из Москвы послан в Калугу кн. Ю.Н. Трубецкой привести калужских сидельцев к присяге королевичу, но он не поладил со своим двоюродным братом кн. Д. Т. Трубецким и от "него убежал к Москве убегом".

Не совсем поладила с боярами и сама Калуга, ответ ее был тверд: «Мы за королевича, когда он крестится в православную веру и сядет на царском престоле, тогда и мы все присягнем ему».

Вот в этом-то декабре и пришло воеводе Трубецкому спасительное для души письмо от бывшего соратника Ивана Болотникова и свергателя Шуйского - Прокопия Петровича Ляпунова, авторитетного даже в Москве рязанского воеводы. «История Калуги» пишет, что Ляпунов прислал письмо это со своим племянником.

Возможно, оно было того же содержания, что и в письмах энергичного Ляпунова, разосланного по многим городам.

Гетман Гонсевский, заправлявший в это время в Москве, так пишет о Ляпунове в письме к канцлеру в. к. Литовского Льву Сапеге, брату «гетмана при самозванце» Яна Сапеге:

Ясновельможный Милостивый Государь, господин канцлер.

Между другими послами едет и господин Захарий Ляпунов к е.к.в. Человек этот знатного происхождения, а брат его Прокопий Ляпунов большая особа, который в Рязани. Я его поручаю е. к. в., прошу вас, чтобы вы употребили свои старания перед его королевским величе-

ством, дабы они были приняты е. к. в. ласково, и вы изволить быть к ним ласковы. Из стана под Москвою 23 сентября 1610 г. [3, приложение № 34]

Письмо *авторитетного* Ляпунова вновь возродило надежды Трубецкого.

Начало Первого ополчения

Прокопий Ляпунов в своём письме описывал, как поляки притесняют Патриарха Гермогена, нагло верховодят в столице, и призывал к единению. Заполучив союзника на продолжение борьбы, князь Трубецкой начал собирать силы к походу на Москву. Он разослал с гонцами письма воеводам *северских* городов - род Трубецких был из старинной, так называемой Северной земли – Трубчевск, Брянск, Новгород-Северский и др., в которых Трубецкие пользовались большим авторитетом. [4, 437].

Патриарх Гермоген, окончательно поняв безнадежность ожидания крещения Владислава в православие и его коронации в Кремле и связанного с этим вывода польских войск из Кремля и России, заключенный уже поляками под стражу в Кириллов монастырь (в Кремле), начал рассылать письма по городам с призывом собирать ополчение для освобождения Москвы от поляков, как нарушивших подписанный боярами с гетманом Жолкевским (от имени короля) Договор.

Параллельно пошли в города письма и Ляпунова с «благословения Гермогена». Эти города пересылали письма в другие города, так что извещения получили, вероятно, до сотни городов. В ответах многие города сообщали о поддержке их призыва и начале собирания отрядов в поход. Местом соединения отрядов была назначена Коломна.

Король Сигизмунд был встревожен этими «происками» и срочно пишет из стана под Смоленском 17/27 января 1611 письмо Яну Петру Сапеге²:

«Искренно и верно нам любезный! Получено нами известие, что Прокопий Ляпунов, собрав людей в земле Рязанской немало, к столице идет, и согласясь там с теми, кои к нам не расположены, намеревается уничтожить людей наших там же, в столице находящихся.

А как благосклонность ваша усматривает, сколь для нас и республики важно, чтоб этот человек был удержан от исполнения своих замыслов; а по сему пишем сию нашу грамоту к благосклонности вашей и

² САПЕГА Иван Павлович (1569, Быхов - 15.10.1611, Москва-Кремль, пох. в Вильно) — Ян Петр, шляхтич, ротмистр королевский (с 1605 года), староста усвятский (с 1606 года), «гетман» Марины Мнишек и Лжедмитрия II. Учился в Виленской академии (до 1587) и Падуанском университете. Был в боях с крымскими татарами и со шведами. Депутат сейма (1600, от Гродно), брат канцлера Польши – Льва Сапег, с одобрения которого в августе 1608 с 7 тыс. солдат прибыл в тушинский лагерь Лжедмитрия II, руководитель осады Троице-Сергиева монастыря (9.1608-12.1.1610). В 1609 был с Лжедмитрием II вплоть до его второго похода на Москву. В 1611 прорвал блокаду Кремля и доставил продовольствие «Кремлевским сидельцам»).

весьма желаем, дабы вы доброхотство ваше, нам и республике не один раз озаменованное, оказали и в настоящем случае.

Употребите, верность ваша, те войска, которые в оном государстве имеет под предводительством вашим и немедленно теперь же выступайте с ними вместе, туда, куда указывает потребность; препятствуйте исполнению означенных замыслов сего человека (Прокопия Ляпунова), людей его истребляйте, наблюдая, чтобы не постигло нас и республику (чего Боже упаси!) какое-либо бесславие. В исполнении всего этого, полагая надежды на верность вашу, не преминем подвиги и труды верности вашей и упомянутого рыцарства государственной нашей милостью вполне наградить. [3, приложение №40]

Но осторожный Сапега не бросился наперерез собиравшимся полкам ополченцев (у него с королем были особые отношения), а сначала отослал с гонцом письмо князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, своему бывшему сотоварищу по Тушину и Калуге. Напомним, что Сапега был крещен в православии, как и большинство жителей восточной части польско-литовского государства (Великого Литовского княжества - *Литвы*), был гетманом польского отряда при Лжедмитрии II. Кстати, именно в его доме в Польше разместили под домашним арестом митрополита Филарета Романова.

В письме Трубецкому Сапега сетовал:

«Писали мы к вам, господин, много раз в Калугу о совете, но вы от нас бегаєте за посмех: мы вам никакого зла не делали и вперед делать не хотим; мы хотели с вами за вашу веру христианскую и за свою славу и при своих заслугах горло свое дать, и вам следовало бы с нами советоваться, что ваша дума?

Про нас знаете, что мы люди вольные, королю и королевичу не служим, стоим при своих заслугах, а на вас никакого лиха не мыслим и заслуг своих за вас не просим, а кто будет на Московском государстве царем, тот нам и заплатит за наши заслуги. Так вам бы с нами быть в совете и ссылаться с нами почаще, что будет ваша дума, а мы от вас не прочь, и стоять бы вам за православную христианскую веру и за святые церкви, а мы при вас и при своих заслугах горла свои дадим.

Портрет Яна Сапеги на фоне картины безуспешной осады Троице-Сергиева монастыря.

Нам сказывали, что у вас в Калуге некоторые бездельники рассевают слухи, будто мы святые церкви разоряем и петъ в них не велим и лошадей в них ставим, но у нас этого во всем рыцарстве не сыщешь, это вам бездельники лгут, смущают вас с нами; у нас в рыцарстве большая половина русских людей, и мы заказываем и бережем накрепко, чтоб над святыми Божиими церквами разорения никакого не было, а от вора как уберечься, да разве кто что сделал в отъезде?» [Соловьев С.М. История России с древнейших времен. т.8]

В ответ вместе с прибывшим в Калугу после Нового года из Москвы с небольшим отрядом для приведения к присяге Владиславу двоюродным братом Юрием Никитичем князь Дмитрий направляет письмо, из которого виден более широкий круг затрагиваемых Сапегой проблем. [3, приложение №41]

«Господину гетману Яну Петру Павловичу Сапеге, кастелановичу Киевскому, старосте Усвятскому и Керепетскому, князь Юрий да князь Дмитрий Трубецких с товарищи челом бьют:

писал ты к нам с россыльщиком с Ваской Зыбиным о совете, чтоб нам с тобою за один стояти, за православную христианскую веру и за святые Божьи церкви, и нам бы с тобою ссылатца и совет с тобою держать, что наша дума; а ты от вас не протчи, зла нам и лиха никоторого ни чинишь и впредь не хочешь чинити и послам; а мы с вами не сошлемся, и мы с вами послами не ссылались, потому что у нас о том совете, со всей землею по ся места не бывал.

А то, господине, ваша правда ли: посланы вы з Москвы, а города все, которые были в Калуге, ныне с Москвою и со всею землею Российского государства соединачилися и крест целовали на том, что от Московского государства быти неотступным и королевича Владислава Жигимонтовича на Московское государство царем и великим князем все рады и крест ему целовали и ныне о том всю землю радеем; только будет даст на Московское государство Жигимонт, король Польский и великий князь Литовский, сына своего королевича Владислава Жигимонтовича царем и великим князем, и мы ему все холопы.

И вы после того крестного целования Олексин высекли и сожгли и к Крапивне и к Булеву приступали и около Калуги и во всех городах, где вы воюете и крестьян сжете, и пытками пытаете, и в Перемышле и в Лихвине стоите не по договору.

А ныне мы всей землею о том же стоим, чтоб Жигимонт, король Польской и великий князь Литовский, сына своего королевича Владислава Жигимонтовича на Московское государство царем и великим князем дал, и сам бы от Смоленска отошел и со всей бы земли Российского государства Польских и Литовских людей вывел, а земли б пустошить и разорять не велел.

А буде Жигимонт, король Польской и великий князь Литовский, сына своего королевича Владислава Жигимонтовича на Московское государство государем царем и великим князем не даст, по своему обещанию, на чем обещал и на чем с гетманом паном Жолкевским был договор и крестное целование, и король бы нам ведомо учинил, а Польским бы и Литовским людям во все земли Российского государства не быти и разорения ни чинити.

А что, господин, пишешь ты к нам, что вы стоите при своих заслугах, а королю и королевичу не служили и с нами совет держати хотите; а как на Московское государство на царском престоле будет государь, и нам бы ваши заслуги в те поры платить, и в том бы с вами укрепится присягою или заклады: - и мы, господине, о том того числа писали на Тулу и Прокофею Ляпунову и во все города и к понизовным ратным воеводам и ко всем ратным людям и велели им на совет тот час присылать дворян, чтоб нам с вами быти в совете крови христианской не лить и о добром деле с вами договориться и укрепиться; а ныне бы, господине, вам ко весям и к городам приходите не велети и розоренья не чинити, покаместа к нам на совет от Прокофея и от всей земли будут, и разоренья б вам нашей Российского государства земли не чините; а мы, господине, односторонне с вами соединения и совету о добром деле ради и отнюдь кроволития не хотим и договорятся со всею землею о заслугах ваших с вами договор учинити.

К нам бы вам велеть подлинно отписать: при которых вы заслугах своих стоите и сколько где заслуг ваших за что стоите будет?

Да ты ж к нам писал, что де писали к тебе з Москвы бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи, что де Прокофей Ляпунов и иные многие города от Москвы отложились, и вам бы идти на Прокофея и на нас: - и то, господа, пишут к вам - что отступники, забыв Бога и души свои, и истинной христианской веры отметники, радия кровопролитью и доброму делу порухи; а Прокофей Ляпунов и иные некоторые города от Москвы не отложились; а по милости всемогущего в Троице славимого Бога милостью, вся земля Российского государства ныне в одном добром совете, и от Московская государства все не прочь, а стоим все всю землю за истинную православную христианскую веру Греческого закона, и у Жигимонта короля Польского всю землю того просим, чтоб по обещанию своему и по договору сына своего королевича Владислава Жигимонтовича дал на Московское государство государем царем и великим князем, и Литву из земли вывел и сам вышел, а кроволитья и разоренья унял; а будет не даст, и он бы ведомо учинил.

За то, господине, стала вся земля, а от Московского государства никто не отстает и дурна не заводит никто...

А мы с вами односторонне совету рады всю землю; а как к нам придут ото всей земли на совет, и да, господине, тотчас и тебе опишем...» (январь 1611 г.). [ААЕ, т. II]

Вот такое драматическое, но мудрое письмо отправили князя Дмитрий и его двоюродный брат Юрий Никитич.

«Новый летописец» добавляет про Юрия Никитича: «ис Колуги ж при-
слаша к Москве из дворян, и из атаманов, и из казаков, и изо всяких людей и
говориша бояром и литве: „впрям будет королевич на Московском государ-
стве и крестится в православную христианскую веру, и мы ему все ради слу-
жити; а тепере мы креста целовати не хотим, покаместа он будет на Москов-
ском государстве. И поидоша с Москвы в Калугу, а князь Юрья ис Колуги к
Москве не отпустиша, убежал к Москве убегом». [ПСРЛ, т. XIV, стр. 105].

Не дожидаясь еще подхода к Калуге московского отряда Юрия Трубец-
кого, атаман Иван Заруцкий, ставший главным покровителем коронованной
царицы Марины Мнишек, вместе с ней и отрядом телохранителей уходят в
Тулу. На некоторое время пути сотоварищей по Тушину Дмитрия Трубецко-
го и Ивана Заруцкого³ разошлись.

...Вдохновленный поддержкой идеи ополчения несколькими городами,

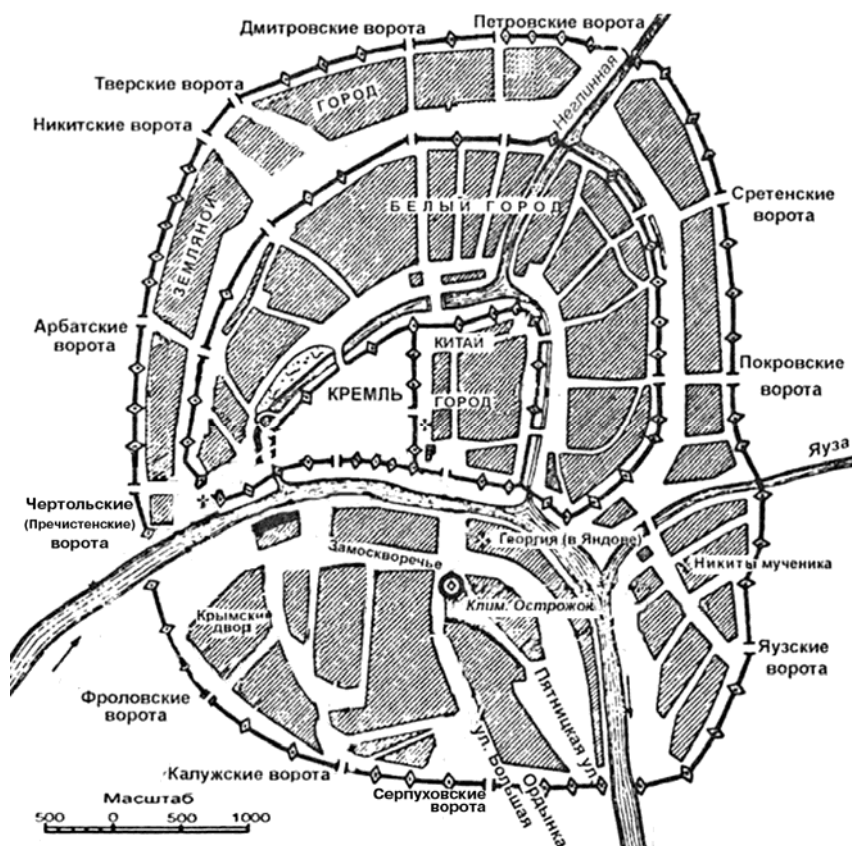

Дионисий диктует Грамоты к городам

архимандрит Тро-
ице-Сергиева мо-
настыря Диони-
сий, оказавший
потом в 1612
большое влияние
на единение двух
ополчений (Тру-
бецкого и Пожар-
ского), в своих
посланиях тоже
посвятил немало
таких же строк о
злостных наруше-
ниях поляками
заключенного с

³ **Заруцкий Иван Мартынович** (-1614, Москва) – атаман казаков, боярин (от Лжедмит-
рия II), руководитель Казачьего Приказа в Тушине, боевой командир многих военных
операций. После гибели самозванца, один из руководителей Первого ополчения по
освобождению Москвы от польского гарнизона. Родом из польского Тарнополя Заруц-
кий, будучи ребенком, был взят в орду. Когда подрос, ушел к донским казакам и был у
них много лет. С Дона, будучи среди казаков уже *головой* и человеком значительным,
он вышел на службу к *Дмитрию Ивановичу*. После бегства «царика» в Калугу ушел с
польским войском на подмогу к Смоленску, но там не пришелся ко двору и вернулся в
Калугу. Поляк Н. Мархоцкий писал: «К нам он был весьма склонен, пока под Смолен-
ском его так жестоко не оттолкнули. Был он храбрым мужем, наружности красивой и
статной». При подходе войск Второго ополчения покинул осадное войско Москвы и вер-
нулся к своей «царице» Марине Мнишек в Коломну для ее защиты, а затем с ней - в
Астрахань. В 1614 был пойман и казнен в Москве, «царица» пострижена в монахини, а
ее пятилетний сын Иван повешен прилюдно.

боярами Договора и торопил сбор отрядов. Он сообщал всем, что уже идут к Москве рязанцы Ляпунова, калужане Трубецкого, казаки и туляки Заруцкого, владимирцы Измайлова, нижегородцы Репнина, арзамасцы и муромчане Мосальского, суздальцы и владимирцы с казаками атамана Просовецкого и других городов ополченцы.

Москва охвачена огнем восстания и пожара

Столица горела от случайного пожара не раз. Но первый раз была неожиданно сожжена иноземцами. Произошло это 19 марта 1611 г.

Слухи о сборе ополчения для освобождения Москвы от поляков дошли до каждого москвича и возбудили надежды. Польский гарнизон Кремля тоже начал укреплять оборону. Нужно было поднимать на стены Китай-города пушки и наёмники-немцы попытались привлечь возчиков Китай-города (эта

крепость была с большим рынком, более торговая, чем военная), те отказались. Вспыхнула первая стычка, на помощь немцам пришли отряды из Кремля, загремели выстрелы по толпе, погибли первые десятки москвичей. Удалили колокола тревоги и тысячи москвичей ринулись на помощь.

Здесь нужно сказать, что Москва была уже очень большим городом, сами поляки в воспоминаниях считали её даже больше Лондона и Парижа, а население - в 200-300 тысяч жителей. Началось настоящее сражение, на помощь жителям срочно подошли небольшие отряды вооруженных ополченцев, спешивших на соединение с основными силами – казаки атамана Просовецкого, отряды зарайцев Дмитрия Пожарского и Колтовского и других.

Как всегда, вступление в бой разрозненных сил, без всякого приказа и согласования с основными силами ополчения, закончились поражением. Но положение поляков оказалось столь опасным, что для своего спасения они подожгли весь город (дома были тогда деревянными), а остатки уцелевшего Причертолья (Пречистенка) и Замоскворечья выжгли потом специально выделенные ими наёмные роты. Большинство жителей успело убежать от пожара, бросив все имущество, но и жертв пожара оказалось немало.

Только стены Белого города (28 башен и 9 ворот, сходных с воротами Китай-города) и укрепления третьего кольца обороны Москвы вокруг Земляного города уцелели, хотя и были повреждены пожаром во многих местах.

Сведение об этом поджоге Москвы возмутило жителей всех городов.

Первый бой ополчения у стен Москвы

Отряды ополченцев двигались по Рязанской дороге но, хотя известия о трагедии сожжения Москвы убыстрили их поход, только 25 марта 1611 народное ополчение собралось у Николо-Угрешского монастыря в 17 км к юго-востоку от Земляного вала Москвы (сегодня г. Дзержинский).

Если ранее ополчение могло рассчитывать на помощь москвичей Белого и Земляного городов Москвы изнутри, то теперь, после пожара, эта надежда пропала.

Местом основного сбора у стен Москвы был определено под Симоновым монастырем, который был в 2 км от Земляного города и в 4 км к юго-востоку от Кремля.

«Новый летописец» сообщает, что именно сюда «последние же люди Московского государства (т.е. из Москвы) сели в Симоновом монастыре в осаде и начали дожидаться [прихода] ратных людей под Москву.

26 марта сюда прибыло войско Ляпунова с рязанскими и приволжскими отрядами, не отстал от него и наш герой, князь Дмитрий Трубецкой с северскими отрядами и калужанами. Вслед за ними продвинулся и Заруцкий со своими казаками и туляками и остальные полки. Они расположились на левом берегу Москвы-реки, у её очередной излучины.

Сбор отрядов продолжался. Можно предполагать, что руководящий состав ополчения определился уже здесь.

Это были: князь Дмитрий Трубецкой с северскими полками, служивыми бывших тушинских Приказов и многими полками городов, поддерживавших ранее самозванного *Дмитрия Ивановича*, как некое знамя против самозванного царя Василия Шуйского; Прокопий Ляпунов с рязанцами и пришедшими по его призыву полками приволжских городов; атаман Иван Заруцкий с сильными боевыми отрядами казачьей конницы, собравшейся из разных мест, и туляками. Несомненно, что были и самостоятельные отряды. *Но Совет командиров был довольно обширен, как обширен был и перечень их городов и множество (27) башен и 10 ворот на 10 км окружности Белого города-крепости и Земляного города, которые нужно было штурмовать.*

1 апреля авангард осторожно подвинулся к столице, но по нему сразу же нанес ожидаемый удар польский гарнизон – конница Струся в 700 всадников. Только тогдашние «бронемашины», так называемые «гуляй-города», спасли положение (на огромных санях были поставлены деревянные стены с бойницами для стрельбы). Они защитили от главного удара и нанесли немалый урон коннице, но ополченцы и сами понесли первые потери.

6 апреля поляки снова попытались нанести удар. Но не учли, что глубокий снег скрывал болото, кони вязли в снегу и грязи, они получили сильный отпор-поражение и отступили за валы Земляного города. Оборонять Москву по внешнему кольцу у поляков не было достаточно войск, и они отошли за стены Белого города.

Оба сражения воодушевили ополченцев.

Поляки в своих воспоминаниях о «Московской войне» говорят, что войск собралось до 100 тысяч, что намного превышало численность их гарнизона. Но и король Сигизмунд 20 месяцев не мог с почти таким же огромным войском взять крепость Смоленск, оборонявшийся малым русским гарнизоном. Взять же крепость Кремль и Китай-город, сооруженных 100 годами ранее *фрязинами*, итальянскими создателями тогдашнего военно-промышленного комплекса (крепости, пушечные дворы) Московского государства при царях Иване III и его сыне Василии, было ещё сложнее.

Высокие и крепкие стены и множество пушек обеспечивали долговременную защиту. Но командование ополченцев, возможно, поэтому и не планировало штурмовать крепость, так как считало возможным победить поляков только длительной осадой, опираясь на снабжение «командировавших» их городов.

Немаловажным была и полная изоляция кремлевского правительства Семибоярщины от поддерживающих их городов. Но авторитетность этого правительства после сожжения их телохранителями-поляками посадов Москвы и упорная задержка ожидаемого крещения в православную веру королевича Владислава, которому присягнула треть страны, сошла уже на нет.

Ополченцы начинают блокаду польского гарнизона Москвы

Среди командиров отрядов были многие, поддерживающие ранее Лжедмитрия II: Масальский, князя Пронский, Волконский, Козловский, а также

Мансуров, Нащокин, Волынский, Измайлов, Вельяминов. Самый большой боевой опыт имели отряды тушинцев - князя Трубецкого, атаманов Заруцкого и Просовецкого. Немалый боевой опыт имел и воевода Прокопий Ляпунов, сражаясь в отрядах Ивана Болотникова против Шуйского, а затем в войсках Шуйского против Болотникова и *Дмитрия Ивановича*.

Немало, правда, было и отрядов из городов, сторонившихся всякой смуты и ожидавших, когда же Москва сама разберется с кем она, с каким царем.

Вот как образно подбирал словеса описатель этого времени келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын: «И вскоре сославшися, сподвигошися от всех градов, со всеми своими воинствы поидоша к царствующему граду на отмщение крови христианския...». Он далее в специальном разделе назвал и командиров -

«БОЯРЕ И ВОЕВОДЫ.

От Колуги боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, а с ним дворяне и дети боярские и стрелцы, и казаки, и всякие служивые люди многих розных городов.

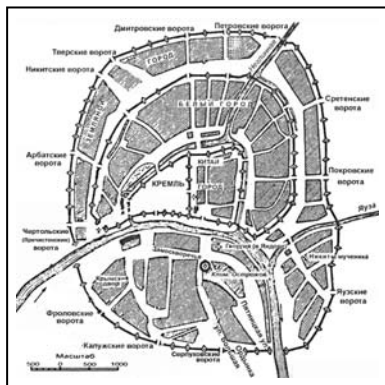
От Переславля Залесского воевода Иван Васильевич Волынской да князь Федор Волконской, а с ними дворяне, и дети боярские многих розных городов и стрелцы и казаки и всякие служивые люди.

От Коломны думной дворянин и воевода Прокофей Петрович Ляпунов, а с ним дворяне и дети боярские и многие атаманы и казаки и всякие служивые люди.

От Тулы Иван Заруцкой, а с ним дворяне и дети боярские многих городов и многие атаманы и казаки, и севрюки, и всякие служивые люди.

От Володимеря Иван Просовецкой з дворяны и з детми боярскими и с черкасы и с казаки, со многими людьми.

И от иных многих городов всякие служивые люди вси приидоша под царствующий град Москву и вкупе снемшися, и бысть многочисленное воинство».

Итак, 1 апреля осадная армия окружила Земляной город, где расположили свои станы-таборы. «Новый летописец» сообщает, что с востока от Москвы реки до Яузы «Ляпунов стал у Яузских ворот, князь Трубецкой с Заруцким против Воронцовского поля, воеводы костромские, и ярославские, и романовские: князь Федор Волконский, Иван Волынский, князь Федор Козловский, Петр Мансуров встали у Покровских ворот, у Стретенских ворот — окольничий Артемий Васильевич Измайлов с товарищами, у Тверских

ворот — князь Василий Федорович Мосальский с товарищами».

Таким образом, главная часть Совета командиров перечислена.

Возможно, к этим отрядам главных командиров присоединены были и остальные отряды. Несомненно, что от северо-западных Тверских ворот до юго-восточных Яузских была сплошная линия блокады «кремлёвцев» от снабжения главных городов, западная же часть была достаточно разорена поляками и представлял опасность только приход обозов с продовольствием с сильной вооруженной охраной. В этом случае объединенными силами левого и правого флангов можно было бы захватить эти обозы. Возможно, западные ворота были пока оставлены свободными для ухода поляков из Москвы. Ничего летописец не говорит о южных, замоскворецких, воротах (Фроловских, Калужских, Серпуховских (Большой Ордынки) – возможно здесь оставались еще до прихода ополчения первые полки атамана Просовецкого. Может быть, на этом этапе Замоскворечье мало интересовало командиров, так как здесь стен Белого города не было совсем.

У ополчения началось обустройство стен острожков и мест для жилья. Десятки тысяч войск должны были искать места с запасами сена, лугами для будущего выпаса коней и быков, водопоя, в общем, располагаться надолго.

Первые отряды были посланы на разведку и к крепостным стенам Белого города. Поляки были спокойны, русские занимаются обустройством.

Как был освобожден Белый город?

Ротмистр Мархоцкий в своей книге о Московской войне писал:

«Ранехонько, едва рассвело, глядь, — а москвитяне уже большую часть Белых стен заняли. Между стеной и рекой Яузой они поставили свой обоз, один конец которого упирался в берег Москвы-реки, а другой протянулся к Неглинной, протекающей через город.

Увидев это, мы поняли, что избавиться от них будет трудно, да и испугались, как бы они не заняли все Белые стены вокруг нас, а потому мы захватили оставшуюся часть стен, что на другой стороне Неглинной. А именно: Никитские ворота, в которых мы разместили две сотни немецкой пехоты. Эти ворота были рядом с Тверскими, которыми москвитяне владели прочно. Вторыми нашими воротами были Арбатские, третьими — Чертольские, а четвертыми — наружная угловая башня над Москвой-рекой о пяти верхах и Водяная башня. Везде мы поставили польскую пехоту, которой у нас было всего сотни две. Так и остались: мы — с одной стороны, а москвитяне — с другой. Случилось это вопреки и нашему, и их желанию».

Было это 6 апреля и с тех пор мелкие боевые схватки не кончались при всех вылазках польского гарнизона Кремля.

Поляки находились в самом затруднительном положении. «Рыцарству на Москве теснота великая, — писали Потоцкому под Смоленск, — сидят в Китае и в Кремле в осаде, ворота все отняты, пить, есть нечего». Съестные припасы для себя, конский корм должны были доставать с бою.

Был еще и вторая часть осады. Второй круг обороны несли отряды самообороны городов и ряда территорий. Они не пускали в города польские отряды «царя Владислава», прибывшие за продовольствием, нападали в дальних краях на польские обозы, довольно результативно день за днем уменьшая надежды на скорую подмогу запертым полякам.

Произошло и еще одно большое сражение у восточных стен Китай-города. Для лучшего представления о событиях ниже мы представляем карту восточной части Китай-города и примыкающей к ней части Белого города (карта 1646 г.) с обозначением ворот и башен Кремля и церквей в Белом го-

роде на Лубянской площади (А - св. Феодосия, Б - Гребневской Богоматери) и на Ильинской площади В. Мархоцкий выступил с отрядом из Ильинских ворот (3), остальные соседние ворота: 1 - Никольские (Троицкие) и 5 - Варварские (Всехсвятские) были присыпаны поляками землей для укрепления против штурма.

Вот рассказ Мархоцкого 1611 года:

«Ввиду столь близкого соседства в столице, когда москвитяне сидели в Белых стенах, а мы — в Китай-городе и Крым-городе (Кремле), неприятель решил укрепиться и продвинуться к Китай-городу. При двух каменных церквушках, поодаль от своих стен, москвитяне поставили два острожка⁴, разместили в них людей, втащили на церкви небольшие пушки, из которых и стреляли в нашу сторону.

⁴ Здесь публикаторы в своих комментариях ошибочно приняли эти острожки за два острожка в Замоскворечье (Клементовский острожек и церковь Св. Георгия в Яндове), хотя в рассказе речь идет о местности на востоке от Китай-города.

Сначала, видя, что москвитяне пробираются в Белые стены⁵, мы этому не противились и не сделали ни одной вылазки.

А когда они укрепились, мы вдруг решили, что сможем их выбить за стены. В пятницу устроили мы пешую вылазку чуть ли не всем войском и сразу из трех ворот: Никольских (пана Струся), **моих, под названием Ильинские**, и Всехсвятских (Млоцкого)⁶. Одни из нас пошли к стенам (*Белого города*), другие напали на острожки. В острожке напротив моих ворот москвитяне [были] испуганы натиском, и мы их выбили. Я со своей хоругвью (*ротой*) был уже внутри, а мои люди поворачивали пушки. Но наши были уже отовсюду отброшены и находились в опасности как никогда прежде.

Впрочем, это и не удивительно, ведь для людей, привыкших сражаться в конном строю, это была первая пешая вылазка. Я же в церкви перед своими воротами разместил тридцать человек с двумя гаковницами⁷ и затем, во время вылазки, когда я вынужден был отступать из острожка, ушел к этой засаде и закрепился со своей хоругвью, не пробираясь под стены. Потом мы немного поправили дело и оттеснили москвитян к их стенам. Но все равно мы ничего не добились и, потеряв немало людей, должны были уйти восвояси».

Вероятно, речь идет о церквях, имеющих колокольни - Гребенская церковь, св. Феодосия на Лубянке и Всех Святых на Кулишах. Передовые острожки отрядов Трубецкого и Заруцкого как раз и располагались восточнее этих церквей.

Церкви св. Феодосия с колокольной и Гребневской Богоматери (Успения) на Лубянке.

⁵ Белые стены, т.е. в сам Белый город между его наружной стеной и стенами Китай-города и Кремля.

⁶ Никольские (или Сретенские), Ильинские (или Троицкие), Всехсвятские (или Варварские) крепостные ворота восточной части Китай-города.

⁷ Гаковница - пищаль с крюком для зацепления за стену, чтобы уменьшить удар при отдаче от выстрела.

Ополченцы штурмуют Китай-город и захватывают все стены Белого города

«Москвитяне этой ночью не бездействовали, - писал в своей «Войне» Мархоцкий о событиях после неудачной вылазки к церквям. - Задумав нанести удар и выбить нас из стен (*Белого города*), они все приготовили и за три часа до рассвета тихо двинулись под стены Китай-города к квартирам пана Зборовского и пана Струся⁸. Приставив лестницы, несколько десятков москвитян уже взобрались на стены около пана Зборовского. Мои же ворота были хорошо укреплены и имели свободный выход для вылазок (остальные присыпали свои ворота землей). По всем окнам я расставил бдительных сторожей, один из которых – пахолик Щавинский – заметил москвитян, когда те сновали по соседству со мной у квартиры пана Струся. Сначала он решил, что это собаки, целые своры которых бродили на пепелище, и сказал: «Не пойму, что там такое: то ли собаки, то ли москвитяне?» Потом, увидев людей, закричал «Москаль! Тревога!» Я вскочил и приказал бить в колокол (у москвитян есть такой обычай: на каждой башне крепить колокол, чтобы в случае опасности оповестить остальных). Так на своей башне поступил и я.

Как только на моих воротах ударили в колокол, москвитяне, до этого двигавшиеся бесшумно, с криком полезли на лестницы. По тревоге наши выскочили из своего расположения, и мои товарищи первыми бросились на квартиры пана Струся. А там уже пытались сбросить со стены москвитян вместе с их лестницами.

Другая часть нападавших, проделав в стене большие отверстия, вела огонь внутри, ранив некоторых из наших людей. Пока мы отражали неприятеля, стало светать, и москвитяне всей мощью обрушились на квартиры Боб-

ровского, который держал угловую башню в Китай-городе над Москвой-рекой (*№7 на рис.*) и башню в Белых стенах (*№8 на рис.*), прилегавшую к первой. Там москвитянам повезло: они сразу выбили наших из башни в Белых стенах. Бобровскому приходилось туго и в угловой башне: дело шло к тому, что наши вот-вот оставят и ее. Как можно

⁸ Струсь стоял у Никольских ворот, сам Мархоцкий - у Ильинских ворот, Зборовский – оборонял, возможно, Варваровские ворота, Бобровский - Угловую круглую башню (*7 на рис.*) Китай-города над Москвой-рекой и впадавшей здесь каналом-протоком от Неглинки и башню Белого города (*8 на рис.*) за протоком, с которой можно было вести обстрел Китай-города.

скорее мы послали им подкрепления из других квартир. С Божьей помощью они защитили и угловую башню и выбили москвитян из башни в Белых стенах. В этом сражении погибло несколько храбрых товарищей: Сокол, Бобровницкий, остальных не помню.

Выбитые оттуда, москвитяне пошли к нашим воротам на другом конце города (*в западной части*) в Белых стенах. Перво-наперво они напали на Никитские ворота, где стояла немецкая пехота.

Наши упорно оборонялись, но мы не могли им ни помочь, ни спасти, ибо сами едва оправились от неожиданности. При помощи огненных стрел они подожгли крышу, которая быстро занялась, а когда стала рушиться, немцы вынуждены были отступить.

Взяв эти ворота, москвитяне перешли к следующим и без труда ими завладели, ибо их обороняли уже вяло. Затем неприятель двинулся к угловой (с пятью верхами) башне над Москвой-рекой (*см. карту*). Ее защищали полторы сотни польской пехоты во главе с ротмистром Пеньонским. Они долго и храбро сражались на верху башни, подножие которой было захвачено москвитянами. Найдя там старые запасы каленых ядер, неприятель обстрелял ими башню и выкурил пехоту, принудив ее к отступлению.

В тот день москвитяне взяли вокруг нас все Белые стены с башнями. Каждую башню и ворота они хорошо укрепили и расставили людей, а на следующий день пошли под Девичий монастырь добывать разместившихся там иноземцев. Те также упорно сражались, но не смогли удержать монастырь и отступили».

Так польский гарнизон за полтора месяца был полностью блокирован в Кремле и Китай городе.

Мудрые были начальники в ополчении в отличие от интерпретирующих их действия будущих историков.

В начале мая (7/17) на Поклонной горе расположил свой лагерь Сапега. Как склонный к сотрудничеству, он провел вначале переговоры с ополчением. Можно полагать, что он хотел встретиться с Трубецким, продолжая разговор об оплате войску (*см. более раннее письмо*), но возможно, что Ляпунов, из-за своей гордыни отгеснив бывших «товарищей» Сапеги по Тушину, сам взялся вести переговоры, что и привело при его известном гоноре не только к неудаче переговоров, но и к озлоблению Сапеги и, как следствие, к нападению через некоторое время на ополченцев – в Лужниках и у Тверских ворот. Обе эти атаки были отбиты, но с потерями с обеих сторон.

Не нашел «гетман» поддержки по оплате и у Гонсевского, но все же решил помочь гарнизону и обещал доставить продовольствие, уйдя, вероятно, в конце июня к Переславль-Залесскому, усилив своё войско четвертой частью гарнизона.

После захвата стен Белогорода нужно было усилить блокаду и со стороны Замоскворечья, где этих стен не было.

«Захватив стены вокруг нас, москвитяне, чтобы зажать нас со всех сторон, быстро поставили за Москвой-рекой два острожка (*у церкви св. Клементия и св. Георгия в Яндове*) и разместили в них сильные отряды, - пишет ротмистр Миколай Мархоцкий. - **А до этого ими был вырыт глубокий ров от одного берега реки на всю протяженность Крым-города и Китай-города,** — прямо до другого берега. В течение целых шести недель мы находились в плотной осаде. Выбраться от нас можно было, разве что обернувшись птицей, а человеку, будь он хитер, как лис, хода не было ни к нам, ни обратно.

Башню Бобровского в Белых стенах мы сторожили по очереди, ибо рота Бобровского в одиночку ее охранять не желала — уж очень опасное это было дело. У Китай-города, там, где с ним смыкались Белые стены (*у Угловой круглой башни*), москвитяне пробовали выбить нас, подложив пороховые заряды.

Пока пан Сапега с нашими людьми не вернулся из-за Волги, москвитяне много раз пытались до нас добратся, пробовали даже поджечь Китай-город калеными ядрами.

Нельзя было и думать о том, чтобы кто-нибудь мог избавить нас от такой осады и утеснения. Не только пану Сапеге, но и самому литовскому гетману, даже с большим войском (которого у него, впрочем, и не могло быть), это было бы не под силу. Ведь московские стены (*Белого города*), во-первых, сделаны сплошь из кирпича, а шириной они в три — три с половиной сажени; во-вторых, изнутри они усилены валом такой же высоты и ширины, что и стены...».

Но еще до ухода Сапег, воодушевленные его приходом осажденные решили 24 июня дать бой и в сгоревшем Замоскворечье.

«Иногда против московских таборов выходила наша конница, - пишет Мархоцкий. - Так в день Св. Иоанна Крестителя пан Струсь со своим полком решил выйти за Москву-реку, на пепелище заречного города. Москвитяне нас часто оттуда беспокоили и наши предложили их проучить, на что Струсь получил не только согласие, но и полк Вейера в придачу. Против наших двинулись и москвитяне, но с уже большим, чем обычно, войском. Битва не принесла нам успеха: поначалу наши потеснили неприятеля, но затем, когда подошли подкрепления из московского обоза, отошли с большими потерями. Если бы пан Сапега не прислал подкреплений из своего обоза, урон был бы еще больше».

Создание Совета «всеа земли»,

гибель Ляпунова и новый этап борьбы и земской работы.

С полной блокадой поляков и семибоярщины, единственной властью в остальной части государства стало ополченческое воинство. Пора было создавать правительство и Приказы и начинать стандартное государственное дело, оговорив ряд новых моментов.

Для этого нужно было написать, как мы теперь говорим, Конституцию переходного периода.

И это было сделано, и сохранился текст Приговора совета «всеа земли» от 30 июня 1611 г., в первом абзаце которого написано:

«Лета 7119-го июня в 30-й день, Московскаго государства разных земель царевици (татарские) и бояре и окольничие и чашники и стольники, и дворяне и стряпчие и жильцы и приказные люди и князи и мурзы и дворяне из городов и дети боярские всех городов и атаманы и казаки и всякие служилые люди и дворовые, которые стоят за Дом Пресвятыя Богородицы и за православную христианскую веру против разорителей веры христианские, польских и литовских людей, под Москвою, приговорили, и выбрали всю Землю бояр и воевод, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкаго да Ивана Мартыновича Заруцкаго да думнаго дворянина и воеводу Прокофья Петровича Ляпунова, на том, что им, будучи в правительстве, земским и всяким ратным делом промышляти и расправа всякая меж всяких лю-

дей чинити в правду, а ратным и земским всяким людем их бояр во всяких земских и в ратных делах слушати всем».

Вот такой триумвират разнородных людей был утвержден «всею Землёю» для правления страной. Это был не компромисс между тремя авторитетами, а реальный союз для главной цели – объединения полков для освобождения Москвы от поляков. Немаловажны были и другие проблемы, нашедшие решения в этом тщательно разработанном документе.

Дело в том, что у большинства дворян, бояр и «жильцов» были пожалованные им поместья для кормления на службе стране (государю). Если они не исполняют эту службу (военную – явиться в полки с полным вооружением, вместе со слугами и копейщиками, и т.п., или чиновную), то поместья отбираются. В Приговоре подробно расписаны разные варианты отбора у изменщиков и наделения поместьями новых служилых людей или потерявших свои поместья на Смоленщине, захваченной полками. Это позволяло и комплектовать армию и требовать присылки из городов обязательных стандартных налогов для обеспечения войска продовольствием.

В этом Приговоре (см. Приложение 3) были заложены те мудрые решения, которые потом в XXI веке называли «перезагрузкой» (термин работы с компьютером – при сбое программ, лучше всего начать сначала – выключить ПК и снова включить), т.е. обнулить ситуацию.

В документе признавались все пожалования и Лжедмитриев, и Шуйского и даже королевича Владислава, если они соответствовали реальной службе и чину, а лишнее отбиралось и вместе с владениями прямых «изменщиков» передавались новым.

Это главное. Потом решениями царя Михаила Федоровича эти положения были подтверждены и распространены даже на сидевших в Кремле «седьмочисленных бояр». Смута в головах кончилась. Всё обнулено, начинаем жить, как жили.

Мы привели в Приложении этот интересный документ, насколько полно он был опубликован Забелиным.

Конечно, комментаторы отмечают, что не всем пришелся по праву этот документ, но преувеличивают это неудовольствие до злобы.

Пожалуй, впервые в российской практике появился и еще один пункт (Забелин дал ему номер 24):

«24. А буде бояря, которых выбрали ныне всею землею для всяких земских и ратных дел в правительство, о земских делах радеть и расправы чинити не учнут во всем в правду, и по сему земскому приговору всяких земских и ратных дел делати не станут, и за ними всякие земские дела постановятся, или которые воеводы бояр во всяких делах слушати не учнут, и нам всею землею вольно бояр и воевод переменить и в то место избрати иных, поговоря со всею землею, хто будет *болию* [так, у Карамзина - *бою*] и земскому делу пригодится». Настоящее свержение правителей, если они «не за правду».

Под Приговором подписи («в рукоприкладстве пишут тако»):

«Боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Прокофей Ляпунов и в боярина Ивана Мартыновича Заруцкого руку приложил.

Под тем значит рукоприкладство не на русском диалекте (*возможно, латинская подпись кто-то из поляков, сочувствующих делу ополчения*).

Затем явствует:

Окольничей Артемей Васильевич Измайлов руку приложил.

Князь Иван Князь Андреев сын Голицын.

Мирон Вильяминов руку приложил.

Стольник Тимофей Измайлов руку приложил.

К сему приговору Иван Шереметев руку приложил.

А сверх того значит рукоприкладство ж Кленника [у Карамзина Ключника], Векошника, Жильца, да разных городов, Кашина, Лихвина, Дмитрова, Смоленска, Ростова, Ярославля, Болынаго, Можайска, Калуги, Муром, Володимира, Юрьева, Нижнева-Новогорода, Пашехонья, Брянска, Романова, Вологды, Галича, Мещерска, Архангельского города, Переяславля Залеского, Костромы, Воротынска, Юрьева Польского, Волхова, Звенигорода. Да разных полков Трубецкого, боярина Ивана Мартыновича Заруцкого, князь Петра Володимировича Бахтеярова, Прокофья Лепунова, Мирона Вельяминова, атаманов, судей, ясаулов, сотников, и в место своих станиц, и казаков. А сверх вышеписанного значит рукоприкладство ж многих, но только в оном кроме имен и фамилий чинов не писано».

Вот какое разнообразное и большое представительство было в этом ополчении – действительно - «Совет всей земли». Конечно, отныне началась работа по сбору налогов и «шуб» по всей территории страны, оценка поместьев, разбор многочисленных жалоб с мест – т.е. созданы отдельные Приказы по разным направлениям работы.

Очень важным моментом в этом документе времен Смуты является устранение убийства и ссылки людей без обсуждения с правящей элитой (Боярской ли думою, Кругом или Советом всеа земли), чем были наполнены недавние драматические царствования Ивана Грозного и Бориса Годунова. Это положение было включено в Приговор, а ранее и в договор бояр с Сигизмундом о царствовании королевича Владислава (кстати, эта практика типична для польской системы правления, ограничивающего этим государя).

Но быстро произошла трагедия. Первым нарушил этот Закон ополчения воевода Матвей Плещеев. Схватив «разбойничавших», по его мнению, у Угрешского монастыря 28 казаков, он приказал их утопить (в куль и в воду). Злодеяние совершилось, но казаки подросли и вытащили полуживых своих сотоварищей и доставили их в ополчение на «круг». Ляпунов (довольно свойвольный был воевода) промедлил с арестом Плещеева и тот успел скрыться в своих Костромских владениях⁹. Так накалялась обстановка в ополчении.

⁹ Матвей Плещеев – из рода прп. Алексия, митрополита Московского. В Смутное время был в «перелётах», боярин в Тушинском лагере (царем Михаилом Федоровичем боярство не подтверждено, был стольником). Хроника Богоявленского Авраамиева монастыря Ростова

Этим воспользовался мудрозловредный гетман Гонсевский, командующий гарнизоном Москвы. Он подготовил подметное письмо к городам якобы от имени Ляпунова, что надо убивать всех казаков. Письмо было подброшено в казачьи полки и на собранном 22 июля Круге Ляпунов, как всегда, вел себя горделиво и был убит. Некоторые исследователи отмечают, что ни Трубецко-го, ни Заруцкого в это время в таборах не было. Заруцкий прискакал только через 3 часа, когда трагедия уже произошла. Возможно, что он отъезжал к царице Марине в Коломну.

Да, произошла катастрофа. Один из триумвиров, Правитель государства, был убит своевольными казаками. А Ляпунова поддерживала почти треть ополчения. Ополчение пошатнулось. Дворянские полки заволновались и стали расходиться по домам. Поспешные историки сообщают даже о гибели Первого ополчения, иногда его называют ополчением Ляпунова.

На самом деле это было не так. Верные имени князя Трубецкого дворянские полки многих городов остались для осады поляков. Вместе с казаками Заруцкого их было достаточно, чтобы держать в осаде трехтысячный гарнизон поляков. Правда, ополчение постепенно таяло на глазах, и только умелое его использование Правителями, Трубецким и Заруцким, позволило держать блокаду поляков еще год, до прихода подкрепления – Второго долгожданного ополчения.

Для штурма мощной крепости нужна была помощь, но и пришедших потом 7 тысяч ополченцев князя Пожарского для этого было слишком мало. Сработала только продолженная блокада.

1611 год. Второе полугодие.

Народное ополчение при правлении Трубецкого и Заруцкого.

Для историков Трубецкой и Заруцкий – любимые «мальчики для битья», каких только эпитетов («собак») не навешивают на них, обвиняя в неэффективности осады, в злых характерах, в тайных помыслах (которые каждый расшифровывает по-своему), в неумении и т.д. Надо бы издать эти словеса как старинное пособие для вступающих сегодня в политическую борьбу. Тем более, что Трубецкой был потом одним из претендентов (кандидатом) на царский престол (и сторонников было у него достаточно и род от великого литовского князя Гедимина). Этого Героя тех времен, но кандидата (*как он пошел*), даже давно умершего, продолжают облаивать борзописцы и сегодня.

Но поредевшее после гибели Ляпунова ополчение, Правительство и Приказы продолжали свое дело. Словоохотливый ротмистр Мархоцкий, подробно рассказав об интриге с подметным письмом, перемену в полках отме-

Великого, зафиксировала, что монастырь уцелел при нападении поляков на Ростов, но «позже был разграблен воеводой Матвеем Плещеевым, присланным Сапегой в Ростов». Был с ростовчанами в Первом ополчении. Сбежал от вызова казаками на круг за попытку убийства казаков в подозрении грабежа. В 1612 примкнул ко 2-му ополчению Пожарского у Балахны. По воцарении Романовых был в 1614 наместником в Белой.